

Анна Ковалевская

*После
Дракона*

Анна Ковалевская

После Дракона

«Издательские решения»

Ковалевская А.

После Дракона / А. Ковалевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831235-9

Жизнь как награда. Дышать счастьем каждый день, радуясь мимолетным чудесам, пойманным в трепете листвы и в беге капель по стеклу. Что же заставило героиню стать неспособной принять этот дар? Что таит в себе большая любовь? Счастье полета среди облаков и пения птиц или трагедию не найти себе место на Земле, когда любовь и полет внезапно оборвутся? Сможет ли она приспособиться к миру без любви или обретет собственные крылья, чтобы самой воспарить к лазурным просторам небосвода?

ISBN 978-5-44-831235-9

© Ковалевская А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

После Дракона

Анна Ковалевская

© Анна Ковалевская, 2016

ISBN 978-5-4483-1235-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дорати с раздражением захлопнула книгу, твердо решив больше не читать сказки для взрослых, и быстро засобиравшись на работу. Времени было еще достаточно, но ее не покидало ощущение, что нужно торопиться. Успеть куда-то, а куда – не могла вспомнить, и всё из-за того, что весь день провела за праздным чтением. «Тоже мне – драконы, принцессы; нашла, на что тратить драгоценные минуты скоротечной жизни», – ворчала на себя Дора.

Столько всего полезного и нужного можно было сделать за этот день: убрать в доме, навести порядок в вещах, приготовить поесть, и только по дороге в транспорте уделить книге запланированные 40 минут времени.

Но книга держала ее цепкими и когтистыми лапами своего главного героя – Дракона. Не давала провалиться в реальный мир, погрязнуть в пучине ежедневных дел и монотонных действий. Но как только книга закончилась, мощные лапы разжались, и позабытые дела приближались к ней со скоростью тропического урагана.

Кто-то внутри нее укоризненно морщился на грязную посуду, наспех заправленный диван и стираное белье, развешенное смятыми гроздьями по батареям. На пачку пельменей для мужа вместо полноценного ужина из трех блюд, а лучше из пяти, как и требуется от добросовестной хозяйки, проведшей целый день дома.

Выскочив на улицу, поняла, что дождь все сделал одинаково серым. Судя по лужам, он шел весь день, а она и не заметила. Еще один повод ущипнуть себя и вернуться в реальный мир.

«На автобус успела, хоть с этим я сегодня справилась. Есть, за что себя похвалить», – подумала Дора. Рядом сидел парнишка и набирал смс в телефоне. Её глаза, привыкшие лихорадочно читать, автоматически передали ей смысл слов: «Я тебя люблю, ты самое лучшее, что у меня есть».

«Хорошо, – подумалось ей, – хоть кого-то любят». Хотела уже отвернуться, как увидела, что он это сообщение отправляет рассылкой двум девушкам. У них были одинаковые имена. «Ну, хоть где-то он проявил постоянство».

Да, люди – не драконы, они не умеют любить вечно. А что такое наше человеческое вечно в глазах трехсотлетнего Дракона? Вот он полюбил девушку, прожил с ней 50, ну пусть 60 лет, она скончалась. Погоревал, в лучшем случае, лет 20, и люби себе на здоровье еще кого-нибудь, жизнь-то долгая. А девушке приятно – любил всю жизнь. Всю ее жизнь, а не свою.

«Все, хватит про драконов – нашла, что читать – взрослая, образованная барышня, пусть и не очень счастливая». Последнее время она старательно читала биографии успешных людей или просто знаменитых женщин. Так можно узнать, что привело их к успеху и сделало счастливыми. Какой ход мыслей и поступков сделал их достойными того, чтобы их биографии печатались и читались.

Да, решено, нужно читать что-то полезное, в крайнем случае, классику, где мэтры дней минувших мастерски описывают душевные переживания других людей. От этого она станет мудрее, а ее жизнь – духовно богаче. Только, зачем ей чужая мудрость и опыт душевных мук? Она и со своими-то не знала, что делать. Хорошо бы упаковать пресловутый опыт в желтый чемоданчик и пустить его по быстрой реке в свободное плаванье вместе со всеми слезами и бессонными ночами, им же принесенными. Кто найдет – дарю, умейте на здоровье. А ей уже хочется воспринимать все без лишних ожиданий, надежд и иллюзий. Светит солнце – хорошо. Пошел дождь – открой зонт, и тоже хорошо.

В великой мудрости великая печаль. Неудивительно, что Дракон был такой грустный и одинокий. А все думали, что он злой и свирепый. Но каждый тоскует в меру своих способностей. Он дышал огнем и забавлялся, похищая коз и принцесс по праздникам. А люди хамят друг другу, не хотят уступать, в лучшем случае, просто не здороваются и забывают о тебе.

А Дракон – создание благородное – дыхнул огнем, и нет тебя. Вот была любовь, звезды, розы, а потом горящий несколько секунд факел – и нет тебя. Даже красиво, но, наверно, больно.

А разве не больно умирать годами от холодного равнодушия, теряясь в догадках: что было не так, где тот самый момент, когда погасли звезды? И с ужасом понимать, что ты его не заметила в ежедневной суете важных дел, ты перестала поднимать голову в высь и говорить: «Звезды – спасибо, что вы есть». Люди по 10—20 лет продолжают жить по инерции: воспитывают детей и друг друга, и уже давно не находят место в своей душе для любви.

Так что героиня, полюбившая Дракона, ничем не рисковала. Ответит взаимностью – будет жить долго и счастливо, разлюбит – обдаст ее жаром, и всё, поминай, как звали. И нет места сомнениям, мучениям и забвению. Хорошо любить Дракона.

Она затрясла головой: «Так, всё, хватит, Дракон, вылетай из моих мыслей. Нужно думать о том, что здесь и сейчас. О дожде, например».

Хорошо, что дождь. Хуже, когда на улице солнце, и нужно улыбаться и излучать жизнерадостность, а у тебя на душе всё оцепенело, и больно о чем-либо думать.

Сегодня ночная смена, нужно попытаться поспать. Дома на это времени не нашлось. Она поглубже погрузилась в спасительный капюшон и прислонилась к холодному стеклу. Закрывает глаза и начала слушать дождь, дорогу и шелест его крыльев.

И вот уже уверенный в своей силе Дракон не ощущал своей ноши и нес ее вдогонку уходящему дождю.

После промозглых и серых стен замка они были не в силах дожидаться появления радуги и вылетели к ней навстречу. На его могучих крыльях сияли последние капли дождя, и он весь был словно покрыт драгоценными камнями. Дракон был так же прекрасен, как расстилающиеся под ними розовые облака, подсвеченные багрянцем солнца, как лазурная высь неба и как ее любовь – искренняя и верная, незнавшая сомнений, страхов и упреков. И она была благодарна ему за всё: и за легкость полета, и за счастье быть с ним.

Дракон резко остановился и потряс ее за плечо. «Откуда у Дракона руки?» – подумалось ей. «Приехали, конечная», – сказал Дракон равнодушным и усталым голосом.

«Приехали», – повторила Дора и вышла из автобуса. – Мне повезло, что рабочую остановку нельзя проехать, а то я бы вечно опаздывала. Или это работе повезло», – и весело усмехнувшись, стянула капюшон, подставляя лицо каплям дождя, в надежде прогнать досаду на несуществующего Дракона, посмеявшегося являться в ее сны.

Но последние капли дождя уже умчались на крыльях мифического существа, а в небе искрилась и переливалась радуга.

Дора остановилась перед зеркальной витриной, чтобы поправить растрепавшиеся в капюшоне длинные светло-русые волосы. Зеркальное отражение ей робко улыбнулось: невысокая, худощавая девушка, с бледной кожей и огромными серыми глазами. Она закончила приглаживать волосы и быстрым шагом продолжила свой путь. Дора любила быструю ходьбу, и обувь подбирала соответствующую. Практически отсутствующий макияж и удобная для города одежда мешали точно определить возраст и позволяли ей выглядеть значительно моложе своих 30 лет.

«Нужно позвонить маме, пусть приготовит поесть, а после работы забрать еду и явиться во всеоружии домой. Что там ел Дракон? Козу раз в два дня? Попробуй через день готовить вяленое мясо из целой козы, это тебе не два окорока поджарить. Нет, все-таки, рискованное это дело – любить Дракона».

Глава 2

Есть вещи, которые нужно любить. Это вроде нормальной реакции организма. Если видишь яркий свет, зрачки сужаются. Если слышишь пение птиц, смех детей – сердце должно биться радостней, а вся ты растворяться в умиротворенной улыбке.

Так обстоят дела и с утром. Начало дня, солнце встает, люди пробуждаются навстречу новому дню, таящимся в нем свершениям и радостным событиям. Но люди из серии «аномальное явление» не рады ни птицам, ни детям, ни утренним лучам солнца. Звон будильника для них не символ пробуждения, а сигнал к старту, к непонятному и утратившему свою привлекательность забегу по кругу.

Вот и Дора когда-то любила утро, любила просыпаться раньше всех и наслаждаться миром, принадлежавшим в утренние часы только ей. А теперь она радовалась вечерам, чем ближе сумерки, тем легче на душе. Уходят ожидания, снижаются требования к себе, и все мечты и планы переносятся на завтра. А новый забег отодвигает их на задний план, и только во время короткой передышки блеснут и тут же померкнут, испугавшись возможных последствий, мысли: «Для чего ты здесь, и кто все эти люди вокруг тебя?»

«Подумаю об этом завтра, – стандартный способ обмануть собственный ход мыслей. – Завтра все сделаю иначе, хотя бы попробую добраться на работу новым маршрутом. Известный совет, почему бы не попробовать», – думала Дора, накрываясь одеялом с головой, прячась от мира в своих грезах.

Светлое и многообещающее завтра плавно переросло в хмурое и малоперспективное сегодня. Где она, радость от предвкушения новых свершений и чудесных метаморфоз судьбы? Ей даже лень идти ставить чайник, не то, что бежать, да еще и с радостью, навстречу новому дню.

Рядом вполне мирно посапывал муж, не хотелось будить его, прибираясь на кухне.

Дора решила понежиться в постельке еще полчаса, пожертвовав завтраком и макияжем. Пока устраивалась поудобнее, телефон ускользнул в пространство между диваном и стеной. Рука, пошарив, извлекла пропажу, а вместе с ней и книгу, прочитанную ею пару дней назад.

Открыв наугад, она тут же утратила счет времени и ощущение действительности. Шум ветра сдувал все мысли, словно невесомые пушинки, оставляя на их месте безмятежное чувство покоя и радости.

Покой и радость прервались внезапно. Леон резко выхватил книгу из ее рук и зашвырнул в ближайший угол.

– Опять ты свой бред читаешь? Почему ты не можешь, как нормальная девушка, читать женские журналы? Обычные глянцевого журнала про косметику, шмотки или что там еще баб беспокоит?

Что этих баб беспокоит, Дора не знала, так как женским глянцем преднамеренно не увлекалась.

– И тебе доброе утро, милый.

Улыбнулась. После такого выпада целовать его не хотелось. Но, сделав усилие, все же примирительно чмокнула в щеку.

Леон проснулся, теперь можно и пошуметь. Она выбралась из постели и начала собираться.

– Ты вообще время видела? – он явно был раздражен.

– Да, – удивленно ответила Дора, поглядывая на часы и пытаясь понять, что с ним, с Леоном, и со временем не так.

– Ты опять опаздываешь на работу, я расстраиваюсь, когда ты так делаешь. Ты должна уметь контролировать свое время, – раздражение в его голосе продолжало нарастать.

Дора понимала, что еще пара минут, и его недовольство обрушится на нее Ниагарским водопадом.

– Я контролирую, я все успею, – пытаюсь застегнуть молнию, лепетала Дора, торопясь как можно быстрее скрыться из поля зрения его темно-карих, мечущих молнии глаз. Она едва доставала ему до плеча, и по сравнению с ней он казался огромным, а гнев придавал его смуглой коже и темным густым волосам устрашающий Дору вид.

Нет, ничего она не успеет, приедет впритык к началу утренней смены. И будет выслушивать от начальника, что нужно являться минимум за пятнадцать минут до ее начала, чтобы успеть настроиться на работу.

Она заранее морщилась от предвкушения диалога, портившего настроение на близлежащий час. Это была инициатива начальника их отделения, и штрафа за то, что ты не приходишь раньше, не полагалось, но лучше бы он просто молча ее штрафовал и пропускал свои нравоучительные беседы о времени.

Еще и Леон решил заняться ее воспитанием. Два руководителя, дома и на работе – сказочное везение.

И только сев в автобус, Дора поняла, что ее вчерашнее намерение изменить ход, если не всей жизни, то хотя бы сегодняшнего дня, с треском провалилось.

Она забыла о планах ехать на метро и привычно выбрала каждодневный автобусный маршрут. «Ну и правильно сделала, – поспешила похвалить себя, – автобусом быстрее, а судьбоносный эксперимент оставим на вечер».

Вопреки мрачным прогнозам Леона, она не просто успела к началу рабочего дня, но и прибыла к месту раньше. И стоило из-за этого с утра портить ей настроение? Она столько лет знала Леона, но все никак не могла привыкнуть к его резкому тону и количеству замечаний, способных обрушиться на нее безжалостным и леденящим кровь градом в считанные минуты. В такие моменты ей было сложно его любить. Ей вспомнились истории о наложницах, соблазвивших и покоривших своих властителей и превратившихся из рабынь в хозяек царских сердец и дум. Она бы вряд ли смогла пополнить плеяду великих женщин; одно грубое слово или критичное замечание лишали ее способности быть привлекательной и обольстительной на целый день. Она словно улитка пряталась в свой домик и робко выглядывала, проверяя, миновал ли ураган, и засветило ли солнце. Такая ее реакция раздражала его еще больше, и Дора зарабатывала новые окрики и пряталась обратно, могла неделями сидеть в скорлупе, выращивая ноющую боль в области сердца и целый набор страхов и комплексов.

Она никак не могла вспомнить, за что он ее полюбил, и понять, что с ней стало не так. Почему она стала его так раздражать и злить? Едва ей стоило переступить порог дома, как он тут же находил десятки причин повесить на нее голос и обвинить в нелепости сам факт ее существования на этой планете.

При этом он так же бурно и резко утверждал о своей любви к ней. Дора же затруднялась определить свои чувства: она много лет была с ним рядом, он по-прежнему восхищал ее своей горделивой красотой и успехами. Но все чаще и чаще ей хотелось спрятаться от его требовательного взора и не испытывать ставшую невыносимой тревогу.

А вот с работой у нее все было гораздо проще. «Любите ли вы свою работу?» – пожалуй, самый нелепый вопрос, который можно придумать. Она любила работу ровно 15 минут в день перед окончанием смены, и раз в месяц, когда получала положенное материальное вознаграждение за свои усилия.

Работа телефонным консультантом не имела ничего общего ни с ее мечтами, ни с ее образованием, и уж тем более с удовольствием. Она просто делала то, что требовалось, и была рада, если это получалось не хуже, чем у других.

Нет, нужно признаться откровенно, она не любила свою работу и свою жизнь, и даже саму себя, во всяком случае, в этой жизни точно. И была рада, что еще одна смена, приближающая ее к выходному, окончена. Она мучилась угрызениями совести, ведь жизнь по определению должна быть счастьем и прекрасным даром Божьим. В ней есть родные и любящие люди, солнце и море, пение птиц и аромат цветов, много всего есть. Но в метро, куда спустилась Дора в попытке изменить свою жизнь, не было ничего из вышеперечисленного.

Серый холод, слившиеся в штормовой вал люди в ожидании своего вагона и гул поездов. М-да, не самое подходящее место для судьбоносных перемен. Нужно было удовлетвориться, пройдя пару кварталов до следующей остановки, и считать задание «изменение маршрута» выполненным.

Но нет, Дора мыслила глобально. И вот теперь стоит, сжатая толпой таких же хмурых «любителей жизни», и мечтает быстрее закончить свое путешествие под землей и встретиться со свежим воздухом и небом.

«Ну, хоть один плюс, – у нее появилась мечта и ей, в отличие от большинства ее аморфных мечтаний, вполне реально сбыться. – Еще полчаса мучений, и свидание со свежим воздухом состоится».

Дора убрала волосы в капюшон и разместилась на освободившемся месте, радуясь, что оставшуюся часть пути проделает сидя. Она любила одежду с капюшоном, он ей заменял подушку в долгих поездках домой и на работу. Спрятавшись от раздраженной и уставшей толпы, Дора не нашла, к чему прислониться, и просто опустила голову на грудь.

Нужно переключиться от бесчисленных вопросов, требований и жалоб, от того, что было основной составляющей ее рабочего дня, на что-то более жизнеутверждающее и умиротворяющее.

Она так давно не видела моря, и теперь ее человеческого зрения едва хватало, чтобы понять всю его величественную красоту, манящую и переливающуюся прохладу. Восходящее солнце преломило свои лучи между камнями, лежавшими на морском дне, и вода подсветилась золотой сеткой вуали. Вот как должно начинаться каждое ее утро: шум ветра и волн пели ей песню, а взмах его крыльев вторил им и уносил ее навстречу новому дню и солнечному теплу.

– У тебя совесть есть? – рявкнул кто-то, и она завалилась на правый бок.

Взору предстал грязный пол вагона метро, она лежала на скамье. Людей стало намного меньше, рядом сидел, негодуя косясь на нее и пыхтя, краснощекий усатый мужчина средних лет. Видимо, это он и взывал к ее совести.

– Извините, – на всякий случай сказала Дора и поняла, что от полета в горле пересохло.

Она заставила себя сесть ровно и сделала усилие, чтобы полностью раскрыть глаза; шея затекла. «Интересно, какая сейчас станция?»

– Сейчас будет «Институт Космонавтики», Вам, видимо, туда. Вы же летали во сне? – со смехом сообщил ей мужской голос.

Она резко встала. Перед ней стоял молодой мужчина лет 25—27, и радостно, и что самое ужасное, абсолютно искренне улыбался, демонстрируя мальчишеские ямочки на щеках.

«Дракон, – стрелой пронеслось в ее еще неясном сознании. – Откуда он знает про Дракона, он что, видел их? – от резкого подъема и воспоминаний о полете кружилась голова. – Это же сон, глупый навязчивый сон». Никто не смеет смотреть ее сны, да еще смеяться над ней.

Ее лицо покраснело то ли от гнева, то ли от стыда. А незнакомец, тем временем, продолжал свою беззаботную болтовню.

– Так всегда, на самом интересном месте, да? А ведь хочется знать, что же будет дальше? – он вопросительно уставился на нее. Его голубые, ясные, как у ребенка, глаза не давали ей шанса соврать или оставить его вопрос без ответа.

– Нет, мне не хочется, – взяв в себя в руки, буркнула Дора, и натянула капюшон, чтобы он больше не мог смотреть ей в глаза.

Сама же она продолжала его рассматривать. «Откуда он взялся здесь? Под землей, в узком и тесном вагоне метро. Такой крепкий, свежий, словно стебель бамбука. Причем здесь бамбук?» – одернула себя Дора и начала пристальней изучать его загорелое лицо. Парень был довольно симпатичным. Конечно, в отличие от Леона его сложно было назвать красавцем, но его живые, полные радостного огня глаза, искренняя улыбка и то тепло, которое Дора чувствовала, находясь даже на расстоянии полуметра, придавали ему магическую силу и обаяние. Если Леон был прекрасен, словно суровая вершина горного пика, то незнакомец казался сродни солнечному теплу. Всемогущему, живительному, но, в то же время, неуловимому для человеческого ока. Казалось, если он наберет полную грудь воздуха и рассмеется, выдыхая его, то и вагон, и метро, и все они разлетятся, словно щепки. И пассажиры, чувствуя его силу, предпочитали держаться в стороне от его крепкого и совсем не по погоде одетого тела. И что за нелепая для поздней осени красная футболка с крыльями? «Тоже мне, Дракон», – фыркнула Дора и отвернулась.

Глава 3

На следующей станции парень вышел.

Вагон моментально сжался и стал еще более убогим. На освободившемся после его ухода месте тут же разместилось человек пять. Толпа смыла следы его присутствия так же быстро, как море смывает следы, оставленные на прибрежном песке.

Она так остро почувствовала его отсутствие, что вскочила, чтобы бежать за ним, но вагон уже пришел в движение, и она едва успела увидеть его яркую футболку со схематически изображенными крыльями, уверенно разрезающими поток людей на пути к выходу.

Дора опустилась на свое место и решила выходить на следующей станции – дойдет домой пешком. Метро – жуткое для нее место, все-таки она переоценила масштабы своей усталости от окружающего мира. Ей нужно вдохнуть свежий воздух и попытаться увидеть солнце, пусть даже затянутое городским смогом и плотными осенними облаками.

Она надеялась найти призрачные очертания светящегося диска и, успокоившись, понять, что все на своих местах, земля вертится, а значит, дожди прольются, и на очищенном ясном небе появится во всем своем слепящем великолепии солнце и согреет своим теплом всех изголодавшихся по его свету живых существ.

Выйдя из метро, Дора поняла, что отыскать хотя бы призрачные очертания солнечного диска между крышами многоэтажек – не такая уж легкая задача. Вечер, скоро стемнеет, а значит, солнце намного ниже той точки, где она пытается его увидеть, запрокинув голову и не обращая внимания на наталкивающихся и тут же отлетающих с бранью от нее прохожих.

Пошел дождь, мелкий, осенний, больше похожий на морось или густой туман, и не имеющий ничего общего с пробуждающими к жизни весенними ливнями.

Люди достали зонты, и стало хоть как-то разнообразней. Почему-то большинство одеваются в серые, черные, или, в лучшем случае, коричневые тона. Официальная причина – не пачкаться, но сейчас 21 век, постирать одежду не так уж сложно. У всех есть доступ к горячей воде и множеству суперэффективных средств по выведению пятен. На ней тоже была черная куртка, хоть и не любила она этот цвет всеми фибрами своей души, не видела в нем ни привлекательной таинственности, ни рокового молчания, ни глубин вселенной. Для нее черная куртка была маскировочной одеждой, попыткой слиться с окружающим городом и толпой. Стать своей среди чужих, незаметной и защищенной, но в тоже время растворенной в общем потоке.

Неужели парень в метро так раздражал ее только своей смелостью носить одежду красного цвета в хмурые ноябрьские дни? Она уже и забыла про него, как и про свою нелепую попытку бежать за ним вслед. Он слился с ее сном и казался не более реальным, чем полеты с Драконом. А теперь стоял в ее памяти, твердо и уверенно, не держась за поручни движущегося вагона, и нагло улыбался ей в лицо.

«А почему, собственно, нагло? Обычно он улыбался, весело и дружелюбно». Просто она отвыкла от улыбок. Сама по себе улыбка, адресованная без видимой причины от незнакомого человека, была чем-то из ряда вон выходящим, и воспринималась как проступок.

«О Боже!» – ей захотелось закрыть лицо руками и заплакать. В кого она превратилась? Она не в состоянии была не то, что сама дарить свет и тепло людям, а даже принять без осуждения, без грубости, обычную улыбку, адресованную ей, так внезапно проснувшейся от окрика случайного соседа.

В его попытке заговорить не было враждебных намерений, он просто проявил к ней интерес, как ребенок интересуется всем, что попадает в поле его зрения. Она же забилась в угол, как дикий зверек, не забыв приготовить арсенал из когтей и зубов на случай вражеской атаки, которой так и не последовало.

Но не она одна испытывала к нему враждебную настороженность. Она помнила, как все с опаской поглядывали в его сторону и старались сохранять дистанцию.

И дело было не в цвете его одежды, дело было в излучаемой им доброжелательной уверенности, редкой гостии городского метрополитена в час пик.

Умение любить, сострадать, и уж тем более улыбаться, должны быть для человека так же естественны, как стук сердца или дыхание. Но почему люди добровольно лишают себя этого драгоценного дара, этого отличительного признака от прочих живых существ на Земле, и почему так враждебно настроены к тем, кто вопреки всему не утратил способности любить ближнего своего?

Дора с ужасом поняла, что ее раздражение было вызвано завистью. Она завидовала парню в красной футболке, как старухи завидуют красоте юных девушек. Неужели в свои тридцать она старуха? Ее подсознание противостояло его силе, молодости и веселой способности заводить разговор и улыбаться незнакомым людям. Ей, Доре, с ее вечно опущенными плечами и потухшими глазами. Вот почему она отпрянула от него, а с ней и добрая половина пассажиров метро. Им слепил глаза его свет, как людям, проводящим слишком много времени в темном чулане, невыносимы лучи солнца.

А ведь все они родились под одним небом и с трепетом слушали птиц, и любовались полетом бабочек, делали первые открытия и с восторгом улавливали закономерность и совершенство окружающего мира. Что же со всеми с ними стало? Что стало с ней, Дорой?

Она помнила времена, когда была таким же раздражителем для окружающих, как ее веселость и оптимизм вызывали череду язвительных усмешек и замечаний. Она была ребенком, получившим в дар бесценное сокровище. Но не знала, что с ним делать, гордилась своим даром и давала каждому посмотреть, дотронуться, взять на память горсть и уйти из ее жизни, не оборачиваясь.

У нее было столько любви, что она не вмещалась в ней и струилась, вырываясь наружу. Она готова была кричать о ней, о любви к окружающему миру и ко всем людям. Но вдруг или постепенно – она не могла вспомнить этого момента – ее не стало. Ее внутренний огонь больше не полыхал неистовым пожаром, а еле теплился в глубине души, трепеща от любого дуновения ветра, вызванного грубым словом или мелкими бытовыми неурядицами. И она этот еле теплящийся огонек прятала ото всех, боясь его окончательной гибели.

Глава 4

«Идти домой и любить своих близких», – это план на ближайший вечер. Домой-то она добралась, а вот как любить «своих близких»?

Завтра ей в ночь, а Леон выходной, значит, проведут день вместе. Уже от одной этой мысли появлялось настроение жить дальше. Последнее время они оба очень уставали, завтра вместе отдохнут, поговорят, фильм посмотрят.

В ее голове сразу же сложился список дел на сегодняшний вечер, чтобы завтра меньше времени уделять домашним делам и больше внимания Леону.

Любить близких: мыть, стирать, готовить, убирать, слушать жалобы на коллег, друзей и родственников. И в любой ситуации говорить – ты лучший. А как еще любить, она не знала.

С домашними делами было покончено, и только приняв душ, Дора поняла, что уже начало одиннадцатого.

Позвонила Леону, но он так долго не отвечал, что она заволновалась, все ли с ним в порядке.

– Говори, – голос был раздраженный, а обилие постороннего шума свидетельствовало, что он говорит по громкой связи из автомобиля.

– Привет, как ты?

– Я занят еще, а ты что, ждешь меня?

– Ну да, еду приготовила.

– Что приготовила?

– Суп сварила, картошку с мясом запекла, убрала, больше ничего не успела. Но если тебе еще чего-то хочется, я постараюсь... – Дора не успела окончить свою речь, но Леону этого и не требовалось.

– Мама тоже мясо поджарила, – перебил ее Леон, – да и мне к ней ближе. Я сегодня у нее буду ночевать.

Гудки. Обмазываться эфирными маслами и наряжаться смысла уже не было. Тут же пришло ощущение усталости за весь день, моментально захотелось провалиться в глубокий сон. Причем желательно без ярких, наполненных потоками воздуха и игрой солнечных лучей, сновидений, после которых так сложно заставить себя различать хоть какие-нибудь оттенки в ее однотонной жизни.

Из забытья ее вывел скрежет ключа в дверном замке. Это, наверное, Леон решил сделать сюрприз и все-таки приехал домой. Но звука открытия двери не было, и скрежет вскоре прекратился, значит, сосед в полутьме перепутал дверь.

На часах 6 утра. Сообщений и звонков от Леона не было. Спать не хотелось. Ее подсознание справилось с поставленной задачей и избавило ее от полетов с Драконом, но зато мастерски подсунуло ей парня из метро. Во сне он стоял, широко расставив ноги и скрестив на груди руки, запрокинув голову, заливался смехом, и от этого звука он становился все больше и больше, люди бросились от него в рассыпную, как от чудовища, несущего катастрофу. И она, Дора, тоже бежала, а его смех преследовал ее, и он сам, внезапно появляясь, преграждал ей дорогу. Лучше бы приснился Дракон.

Включила чайник, и так и не выбрав между кофе и чаем, налила себе просто горячей воды с ломтиком лимона. Говорят, для здоровья полезно.

Только вот, для чего ей ее здоровье? У нее есть все для радости. Бог не обделил ее ни красотой, ни умом. У нее есть жилье, муж и стабильный заработок. Она еще достаточно молода, чтобы не сожалеть о прошлом и может смело смотреть в свое будущее. Живи и радуйся, а ей не то, что не радовалось, ей толком и не жилось. Уныние – тяжкий грех. И от этого осознания

ей становилось еще тоскливей. Бог ей дал все, а она ежедневно платила ему черной неблагодарностью, тоскуя по несуществующим мирам.

Зажгла свечу перед иконами – слабое утешение для совести, но, возможно, ее Ангелу Хранителю станет хоть немного легче в очередной раз вытаскивать ее из бездны отчаянья, в которую она неслась, словно пущенный под откос поезд.

Неудивительно, что Леон задерживается на работе, и она вызывает у него хроническое раздражение. Она и сама себе рада не была, смотрела со стороны и хотела отвернуться, сделать вид, что эта потухшая, унылая, бесцветная девушка не имеет к ней никакого отношения.

«Нужно что-то делать. Нельзя всю жизнь просидеть, смакуя полутона своего отвращения к себе любимой. На улице темно и рассвет будет не скоро, но хорошо, что будет», – Дора усмехнулась тому, что все-таки где-то в самом потаенном уголке ее души живет оптимистка и оберегает ее тлеющий огонек от последнего, судьбоносного дуновения ветра.

А почему, собственно, она решила, что с ее жизнью что-то не так? Дора расправила плечи и отодвинула занавеску от окна. На улице уже были видны первые прохожие, спешащие на работу. Вот еще один плюс: она присоединялась к ним только раз в четыре дня, в остальное время ей не нужно было чуть свет выбираться из дома и втискиваться в переполненный транспорт. Дорога в ночную смену куда приятней.

Так что не только ее жизнь, но и работа весьма привлекательны. Многие мечтают о том, что у нее уже есть. Так что это с ней, с Дорой, что-то не так, а с ее жизнью все в порядке. Правильно Леон говорит, что в голове ее мусорная свалка.

Значит, стоит взять себя в руки, повернуть мысли в новое русло, и жизнь изменится. Она уже представила себя, читающей тренинги по саморазвитию, и аплодирующую ей аудиторию благодарных слушателей и последователей.

«Утро начинается, начинается, солнце улыбается, улыбается», – тут же в ее голове зазвучал беззаботный детский голосок из любимого мультфильма племянницы.

Душ, утренняя зарядка и полноценный завтрак сделали свое дело. Она чувствовала себя готовой свернуть горы и выпить море. Пританцовывая, доделывала домашние дела и наслаждалась редким чувством радости от того, что она существует на этой планете. Просто дышит и движется, как миллиарды живых существ под этим прекрасным небом.

Ее комната вдруг стала невыносимо мала, неспособная вместить всю ее внезапно проснувшуюся жажду жизни. Значит, пора было выходить в свет. «Сегодня суббота, и у мамы все девочки в сборе, – она имела в виду сестру с ее дочерью. – Пора к ним присоединиться».

Раннее субботнее утро не отличалось обилием транспорта на дорогах. Дышалось свободно и легко, холодный осенний воздух смешал в себе запахи тлеющих под дождем листьев и первых заморозков. У нее от счастья выступили слезы на глазах. Ну надо же, сколько, оказывается, радости может принести глоток утреннего воздуха! И она улыбнулась не успевшему рассеяться туману – она сейчас видела воздух.

– Ну, здравствуй, воздух, здравствуй, хороший день. Привет, дерево, – уже серьезней добавила Дора.

Деревом был старый, насколько она могла судить, клен. Он рос у входа в подъезд и осенью устилал весь двор пестрым разноцветным ковром, а весной на его ветвях появлялись большие ярко-салатовые почки, из которых потом появятся соцветия-зонтики, а только затем первые листки. Как все-таки прекрасно жить рядом с таким величественным и многообразным в своей красоте деревом.

Дора еще раз с благодарностью коснулась его влажного серого ствола и собрала несколько пестрых листочков у подножья для мамы.

Она, наверное, странно смотрелась со стороны, улыбаясь всему миру и всем прохожим, и той тихой радости, которая родилась сегодня утром и крепла у нее внутри.

Глава 5

Мама обняла ее.

– Опять вся в черное вырядилась, – мама прокомментировала ее внешний вид с улыбкой, нейтрализующей весь негативный эффект от сказанного замечания.

– Черный идет моим светлым волосам, – попыталась оправдаться Дора.

– Твоим прекрасным волосам, которые ты прячешь в гульку как бабка, пошло бы маленькое черное платье от Шанель, а не этот нелепый балахон made in China.

– Это туника, а за Китаем будущее. А волосы у меня слишком длинные, чтобы распускать их для путешествий в общественном транспорте.

Но для мамы Дора стянула тугую резинку с волос и встряхнула шевелюрой, чтобы придать ей видимость объема.

– Тетя, тетя, – маленькое белокурое существо повисло на ее ноге и, цепляясь за пояс Дореных брюк, пыталось вскарабкаться повыше, чтобы дотянуться до ее шеи.

Второй раз за утро ей захотелось плакать от счастья. Она протянула руки и помогла юному созданию обнять ее. Крошка поудобнее уместилась на руках и с самозабвением юной модницы принялась рассматривать ее украшения, перебирать волосы, комментировать маникюр, и в довершение забрала Дорену резинку, освободившую ранее ее волосы, и приспособила к себе на руку в виде браслета. И довольная своей находкой с усилившимся энтузиазмом принялась разбирать гостинцы и подарки.

– А где Рут? – не видя младшей сестры, спросила Дора.

– Спит, – мама махнула на запертую в единственную комнату дверь.

– Она что, у тебя живет? – шепотом удивилась Дора.

– Нет, ей плохо. Она опять беременна, – мама делилась новостью без особой радости.

Дора посмотрела на племянницу и с грустью вспомнила, что новость о ее скором появлении на свет тоже не вызвала бурной радости. Рут только поступила в университет, да и отец ребенка особыми достоинствами не отличался.

На душе стало тяжело, она вздохнула и заметила, как затихает разгоревшийся утроем, вопреки окружающей ее жизни, огонек радости.

– Решила рожать, – продолжала мама, – как раз успеет выйти из роддома на выпускные экзамены. Диплом можно и дома писать. Могло быть и хуже. Она молодец, что продолжает заниматься. Тянет на себе и дом, и ребенка, и учебу, еще и подрабатывать умудряется. Сейчас весит около пятидесяти килограмм. Как в ней вообще эта жизнь умудрилась зародиться?

Мама продолжала улыбаться, лихо переворачивать блинчики и при этом поддерживать беседу с внучкой. Но Дора видела, как тяжело ей давалась загнанная в глубины сердца боль за ее девочек.

С ней и Рут было все в порядке: у них была вполне благополучная среднестатистическая жизнь. Но ей, растившей их на пределе человеческих возможностей, так хотелось, чтобы их жизнь была лучше среднего статистического показателя. Ей хотелось, чтобы ее дочери сияли, словно редчайшие опалы на солнце. Она много и тяжело работала, и не видела, как они растут и взрослеют, но мечтала, чтобы их жизнь полыхала всеми цветами радуги и вилялась причудливыми узорами, а не сочилась тоненьким ручейком, рискующим вот-вот превратиться в жиденькое болотце.

Доре было бы легко смириться со своей жизнью, опустить руки и наслаждаться смиренным покачиванием на судьбоносных волнах, гадая по сменяющимся пейзажам, куда же несет течение ее безвольное тело. Но мамина непоколебимая вера в то, что она способна с легкостью олимпийской чемпионки преодолевать сложнейшие препятствия, не давала ей права успокоиться.

У нее не было сил, она уже не помнила, куда, и не понимала, зачем ей плыть и что преодолеть, но знала, что не имеет права пустить все на самотек, остановиться и замереть в этом состоянии полудохлой и безвольной рыбешки.

– Кстати, у Львов сегодня благоприятный день для покупок. Я присмотрела тебе замечательное пальто красного цвета. Я дам тебе деньги, купи себе. Скоро весна, – пророчески подытожила мама.

Дора невесело рассмеялась.

– Мам, скоро зима, да и потом, это у Львов благоприятный день. Я же, как показывает практика, к ним не имею отношения, – Дора старалась апеллировать, удивленная столь резким переходом от беременности сестры к ее гардеробу.

– Это хорошее пальто. Сейчас на него снижена цена, потому что осень заканчивается, а весной скажут – новая коллекция, курс вырос, аренда подорожала, инопланетяне приземлились, и выставят в три дороже. Да и потом, любую зиму можно пережить, зная, что у тебя есть красивое весеннее пальто.

– Красное, – мрачно напомнила Дора.

– Красное, – с удовольствием согласилась мама.

Любое пальто стоило купить, только бы мама улыбалась. Будет в нем ходить к маме в гости и распускать волосы, чтобы она радовалась. Дора смиренно взяла лежащую на приготовленных деньгах визитку.

– Этой мой подарок на Новый год и Восьмое марта, – мама была недовольна, что она не брала деньги, и передвинула их к ней поближе.

– Я еще не вносила долю в семейный бюджет, так что у меня есть деньги. Прибереги свои на случай, если я решусь поменять работу, – Дора отодвинула деньги обратно.

– Хорошо, только сходи за покупкой сегодня. Я прочитала в твоём гороскопе, что все покупки будут удачными, – маме явно понравилась ее идея о смене работы, и она убрала деньги со стола.

– Ой, мам, ну давай без гороскопов. Я – самое яркое доказательство, что они не действительны. Вот кто я?

– По знаку зодиака Лев, рожденная в год Огненного Дракона, – серьезно сказала мама и стала похожа на древнего индейского шамана, хоть и не имевшего к китайскому гороскопу какого-либо отношения.

Дора заранее засмеялась, предвидя хорошую шутку.

– Ну вот видишь, а по факту – полевая мышь, рожденная в год несуществующего кролика.

– Купи пальто сегодня, – мама вернула диалог в нужное русло.

– Обещаю. И пришлю тебе фото в нем, как доказательство покупки, – клятвенно заверила Дора.

Их общее сокровище вприпрыжку тащило на кухню всю поместившуюся в ее ручки верхнюю одежду. Внезапный переполох был вызван ранним для этой поры первым снегом. Дора выглянула в окно – большие хлопья снега плавно спускались и были хорошо видны на фоне стального неба. Трава еще была зеленой, и белые крупные снежинки на ней смотрелись очень необычно.

– Сказочно, – с улыбкой выдохнула Дора и, повернувшись к племяннице, протянула руку. – Ну что, пойдем ловить снежных фей?

Белые пушинки были тихими, и она вспомнила про Ассоль, в которой счастье мурлыкало котенком. Нужно завести котенка, пусть и ей мурлычет счастье. Она любовалась, как маленькая девочка, так похожая на ее детскую фотографию, хохотала своим мыслям, кружилась и, норовя стянуть шапку, ловила снежинки ртом.

За спиной хлопнула дверь, к ним вышла Рут. Она, в домашней обуви на тонких ножках, в расстегнутой куртке, поверх которой был намотан шарф, была похожа на школьницу, получившую плохую отметку. Дорено сердце сжалось, и она поспешила ее обнять. А та, уткнувшись ей в грудь, зарыдала, глуша рвущиеся стоны в ее волосах. Дора гладила ее по голове и, как маленькой, приговаривала:

– Тише-тише, все хорошо, а скоро станет еще лучше, вот увидишь.

Как по мановению волшебной палочки Рут успокоилась, вытерла слезы и, улыбнувшись, словно весеннее солнце, сказала:

– Я просто устала. А ты как? Хорошо выглядишь, рада, что ты приехала к нам.

– Я тоже, – абсолютно искреннее ответила Дора и еще раз крепко обняла сестру, – давай я тебе чем-нибудь помогу. У меня много свободного времени.

– Стань счастливой, и я буду греться у твоей радости и улыбаться.

– Нет, я серьезно.

– Почему сразу «нет»? Может тебе понравится быть счастливой. Ты умудрилась окончить университет с отличием, а не с двумя свидетельствами о рождении детей, и твой муж успешный юрист, а не подсобник на стройке. Но состояние у тебя еще то.

– Я думаю, окончить учебу с одним дипломом намного легче, чем с дипломом, свидетельством о браке и двумя свидетельствами о рождении детей. Я тобой восхищаюсь. И какое у меня состояние?

– Потерянное. Ты не должна заполнять пробелы в своей жизни чужими делами. Если у тебя есть время, используй его во благо себе. Выучи еще один язык, познакомься с новыми людьми, отправься в путешествие. Я бы кучу всего переделала, будь у меня хотя бы на четыре часа свободного времени больше, чем сейчас. А в случае экстренной ситуации – твой телефон у меня есть. Так что не отвертись, еще и пожалеешь, что я знаю, где ты живешь.

– Ну, это вряд ли. На твоем фоне моя усталость кажется детским лепетом, и я не упущу случай в этом убедиться.

Они еще раз обнялись. Все-таки хорошо, что Леон не пришел домой, и она догадалась не страдать в одиночестве, а приехать к маме. Горе, деленное на всех, даже если о нем никто не знает, утрачивает свою величину и значимость.

Дора поднялась попрощаться. Нужно было успеть заехать перед работой домой. Мама заботливо передала Леончику блинчиков со всевозможной начинкой.

Она ехала домой и думала о Рут. У нее ребенок, скоро будет еще один. Она умудряется хорошо учиться и подрабатывать по специальности. Муж не принимает активного участия в домашних делах, так как слишком устает на работе. Настолько, что за четыре года так и не освоил никакой профильной специальности кроме сборщика строительного хлама.

Скоро Рут должна получить диплом, у нее уже было предложение о работе в престижной компании. Тот готовилась идти в садик, казалось, еще полгода, и у нее появится время на свои мечты. С решением сохранить жизнь своему ребенку все планы и мечты отодвигались за горизонт – опять усталость от бессонных ночей и безденежье.

Для Доры ее младшая сестра была настоящей героиней, но сама Рут стыдилась своего положения и опускала глаза. Почему?

Ее материнство и замужество мало походило на образы счастливых невест и моделей с младенцами на обложках рекламных проспектов и глянцевого журналов.

Ее институтские подруги, узнав о беременности и замужестве, нахлынули бурной и радостной волной, с интересом следя за развитием событий, но вскоре отхлынули еще быстрее и небрежнее.

Вымученно улыбающаяся Рут, набравшая 20 кг лишнего веса, с невнятным пучком на голове и синяками под глазами, тазиком нестиранного белья и охапкой невыученных конспектов вызывала стресс, и не только у бывших подруг. К ребенку оказался не готов и Тео.

Кто сказал, что послеродовая депрессия – это удел женщин? Нет, у них есть шанс выжить, они вынуждены вопреки всему вставать и выполнять свои обязанности по сохранению жизни, которую они дали этому миру. Послеродовая депрессия – это удел мужчины. Вот кому действительно тяжело и невыносимо понять, почему мир больше не у его ног, и при этом от него требуют активной радости и участия в делах сместившего его преемника.

Тео, даже спустя несколько лет, не смог оправиться от полученной травмы, так и оставшись в образе жертвы любви и раннего отцовства. Последнее, что он сделал со своей жизнью – добровольно отчислился из института. И сделал это в день росписи, преподнеся это Рут в качестве свадебного подарка, чем немало ее удивил. Она считала Тео намного способней себя.

Жизнь в бараке без горячей воды и даже стиральной машинки не способствовала счастью и гармонии. А что важно в обществе? Успех. А как он измеряется? Счастьем. Не важно, кто ты и чем занимаешься, как выглядишь и сколько тебе лет. Если ты излучаешь безудержное счастье и восторг от своей жизни и окружающего мира, то люди выстроятся в очередь, чтобы пожать тебе руку в надежде, что именно им ты шепнешь свой секрет, что от тебя по невидимым каналам и им перепадет хотя бы капля счастья и любви. Но стоит твоей жизни пойти вразрез с картиной безоблачного счастья, все те же невидимые каналы говорят об опасности заразиться несчастьем, словно это болезнь, передающаяся воздушно-капельным путем.

Самый худший вариант – это когда ты была подобна солнцу, пульсирующему светом, и в момент погасла. Окружающие воспринимают тебя как предательницу, обманщицу и шарлатанку. Еще миг назад они жадно вглядывались в твое счастье в надежде применить твои правила в своей жизни и получить нужный результат. А тут оказалось, что результат твоей жизни не дает тебе больше права рассуждать во всеуслышание о добре и зле, давать советы, да и вообще тратить и без того скудные запасы кислорода на этой планете.

Глава 6

Во дворе стояла машина Леона. «Дома», – подумала Дора. Она была слишком погружена в свои мысли, чтобы иметь желание выяснять отношения и уточнять, где он провел вчерашний вечер и ночь.

– Ой, вы посмотрите на ее лицо, прям сицилийская вдова, – Леон, видимо, был другого мнения о ее намерениях.

– Не пойму, о чем ты. Я просто про Рут думала, она ждет ребенка, – начала оправдываться Дора.

– Да? Они его забацали из-за пособия на второго ребенка? Вот халявщики, – Леон уже предвкушал возможность посмаковать последними событиями и своей небрежностью превратить их в заурядные сплетни.

Доре стало обидно за сестру.

– Я не думаю, что его размера хватит на решение хотя бы одной их проблемы. И почему ты так говоришь? Вас в семье четверо, думаешь, ваша мама рожала вас ради пособия?

– При чем здесь моя мама? Ты вообще соображай, что несешь, – у Леона наконец-то появился благородный предлог дать волю эмоциям и блеснуть темпераментом.

Дора знала стихийность его выпадов и знала их причину: ему было неудобно за вчерашний вечер, но так как он по определению не мог быть в чем-то виноват, то злился он на Дору, и вот наконец-то нашел благовидный повод для своей злости.

Дора захотела раствориться в пространстве, но, сделав глубокий вдох и повернувшись к нему спиной, попыталась заговорить самым спокойным и дружелюбным голосом:

– Ты кушать будешь, я тебя ждала и приготовила, – договорить она не успела, тут же поняв, что допустила ошибку, произнесла слово «ждала».

– Ты целый день была дома, что, сложно было хотя бы вымыть посуду?

Дора растерялась. За ведение хозяйства она себе вчера выставила твердую пятерку.

– Какую посуду? Я вчера весь вечер готовила и убирала. С утра ушла к маме, кстати, тебе блинчики передали. Разогреть?

– Мне все равно, чем ты занималась, – гремел Леон. – Ты знаешь, мне неприятно приходить с работы и смотреть на грязную посуду. Я работаю сутки напролет, а ты не можешь сделать мне приятно – вымыть посуду.

Дора, стараясь ступать как можно тише, прокралась к раковине и заглянула в нее в попытке отыскать ту самую гору грязной посуды, которая так разозлила Леона. Но там робко белела одна чашка и тарелка, принесенные с его рабочего стола перед выходом. Она уже была одета, когда заметила их, и не стала мыть, опасаясь забрызгать одежду.

Наверно, она действительно плохо убирала, раз не заметила их сразу. Дора примирительно присела на подлокотник кресла, в котором разместился Леон и гневно раскладывал пасьянс на мониторе своего ноутбука.

– И что это за дурацкая мышка? – он ударил ей по столу. – Ты что, не могла нормальную выбрать?

– Мне эта понравилась, она светится разными цветами. Красиво.

– Ты бы еще новогоднюю гирлянду себе купила.

Дора встала, мириться больше не хотелось.

– Почему ты так со мной разговариваешь?

– Ой, ну началось. А почему я могу дома находиться, только когда тебя здесь нет?

Дора глянула на часы – на работу нужно было идти только через 4 часа. В телефоне упавшей монеткойбрякнула смс. Спасительное сообщение напомнило, что мама знает, что поможет ей пережить эту зиму. Знать бы еще, что поможет ей пережить эту жизнь.

Она вышла, закрывая как можно тише за собой дверь, стараясь максимально ограничить количество вибраций, посылаемых ею во Вселенную. «Нужно сходить к врачу», – каждый раз, когда Леон был ею недоволен, ей становилось невыносимо плохо. Начинало щемить где-то в области сердца, немели пальцы рук. Она пила успокоительное, но оно ей не помогало, и она знала, почему. Она все еще любила его и верила ему, и если он кричал ей в лицо, что она плохая, ее организм воспринимал это, как руководство к действию, начиная разрушительную борьбу с самим собой. В такие минуты ей хотелось, чтобы ноющая боль росла, становилась сильнее и, наконец, поглотила ее, больше ненужную ему и нелюбимую Дору.

Глава 7

Зачем ей пальто, она не знала, но нужно было придать хоть какой-то смысл своему сегодняшнему существованию, и для мамы это было почему-то важно.

Торговый центр гудел сотней звуков и мерцал таким же количеством огней, и Дора поняла, насколько она одичала. Ей пришлось на несколько секунд остановиться, чтобы ее организм мог настроить рецепторы на восприятие этой наэлектризованной лавины, произведенной из человеческой толпы и хаоса, царящего вокруг.

Вскоре надпись на визитке и вывеске в магазине совпали, и Дора, напустив на себя вид деятельной и беззаботной покупательницы, перешагнула его порог.

М-да, мамин вкус она узнает из тысячи. Вот он – шедевр текстильного производства, красуется на манекене. Широкий пояс подчеркивал талию, юбка-солнце должна была придавать женственность силуэту. Рукава-фонарики, видимо, отвечали за юность и легкость в образе для осмелившейся приобрести это изделие из кашемира.

Но отступить было некуда, да и цвет приятно удивил – она бы не назвала его красным, скорее багряно-алым. Ей шел этот цвет, она это знала, хотя уже давно не баловала свой шкаф его присутствием.

– Красивый цвет, правда? – раздался профессионально-восторженный голос за спиной.

«Вот и проводница в мир красоты и покупок», – подумала Дора.

– Да, вы правы. Скажите, это мой размер?

– Думаю, да. Примерьте.

И девушка деловито взобралась на постамент рядом с манекеном и принялась раздевать его. Затем помогла облачиться Доре в пальто маминой мечты и прокомментировала:

– Эта модель мало кому идет, но Ваша фигура создана для этого женственного силуэта. А посмотрите, как осветилась кожа! Этот цвет определенно Вам к лицу.

Девушка была права, пальто действительно сидело на ней идеально. Дора даже невольно улыбнулась, распустила волосы и, привстав на носочки, прошлась, имитируя походку на высоких каблуках.

Продавщица профессионально ахнула.

– У Вас такие красивые волосы! Посмотрите на этот фасон и цвет – это пальто создано для Вас!

Дора вежливо улыбнулась ее стараниям осуществить продажу. Девушка и не подозревала, что за нее уже с утра поработала мама и китайский гороскоп.

Продавец продолжала щебетать, видимо, желая закрепить покупку приятным общением и получить постоянную клиентку, что с Дореным нежеланием заниматься своим гардеробом было пустой тратой времени и сил. Она по какому-то странному принципу умудрялась месяцами обходиться парой-тройкой вещей, расположенных под рукой, а потом, нырнув в глубины платяного шкафа, с удивлением обнаружить прекрасные, ни разу не одетые за сезон вещи, просто потому, что она забыла об их существовании.

– Вы знаете, его часто меряют, но, как сказала одна девушка, цвет красивый, но уж очень будет бросаться в глаза в городской толпе. Но Вы, я вижу, не боитесь быть красивой, и Вам есть, чем утереть нос этим серым мышкам.

Дора торопливо распрощалась и с облегчением вышла на улицу, стремясь как можно скорее слиться с серым людским потоком, плавно несущим ее тело и оберегающим своим равнодушием ее сердце.

В пакете невидимо сияло, и грело ее теплом своего присутствия, огненно-красное пальто. И Дора, гордо выступая, каждую секунду помнила, что у нее в руках пакет с живым пламенем.

Она невольно начала рассматривать одежду прохожих, чтобы узнать, кто еще решился на цвет, которым так обильно расшивали одежду их предки, отдавая дань уважения огненному шару на небосводе, дарящему земле жизнь, а людям – надежду на пробуждение.

У многих были красные аксессуары: шапки, варежки, зонты и сумки. И тут она заметила, что красного становится все больше и больше, словно река, подхватившая осыпавшуюся листву, несет ее навстречу к ней. У многих в руках были красные листки, и прохожих с печатной рекламой становилось все больше.

Дора устремила свой взгляд вперед и увидела то самое дерево, щедро снабжавшее прохожих багряной листвой. Это был высоченный парень в красной футболке, одетой поверх более подходящей к сезону черной куртки. Она рассмотрела знакомые крылья на одежде. Парень энергично раздавал буклеты.

«Вот оно что!» – усмехнулась она. Тот парень в метро был обычным промоутером, одетым согласно требованиям работодателя, и эта одежда не имела ничего общего с его мировоззрением. Это было не его волеизъявление, а послушное следование указанию свыше. Она же его в сверхсущества записала просто за то, что он изволил ей улыбнуться.

Жизнь в состоянии хронического стресса может и не такими сюрпризами от подсознания удивить. Хорошо, что ей мифические существа просто снятся и мерещатся. Будет хуже, когда она начнет с ними разговаривать.

Пришла и ее очередь получить долю рекламной информации. Дора небрежно сунула крылатый буклет в карман куртки и поспешила на работу.

Глава 8

Смена далась ей тяжелей, чем обычно, но радовали два свободных от жалобщиков дня (так она называла своих клиентов) и утреннее солнце. Переполненный транспорт был кстати и не дал ей возможности уснуть и провалиться в ставший родным мир грез. Через пару остановок, пройдя весь комплекс локтевого массажа в исполнении ранних пассажиров, Дора умудрилась все-таки сесть. Чтобы не уснуть, она вытащила красный листок и принялась изучать его. Под крыльями белела надпись: «А какой ветер выберешь ты?» «Интригующе», – подумала Дора.

Что она вообще знала о ветре? Что он бывает попутный и встречный. Логично, что все выберут попутный. Против ветра не поплывешь, или точнее, не полетишь. Или все-таки полетишь? Умудрились же люди, преодолевая мощнейшую силу земного притяжения, летать в Космос.

К Доре подступили слезы обиды и горечи – в то время, когда она грезит полетами на чужой спине, есть люди, которые расправляют свои собственные крылья и смело ловят ветер своей мечты.

Во всяком случае, именно так она представляла себе занятия в школе дельтапланеризма.

Вот она, причина всех бед – ее собственная беспросветная лень, порождение уныния и неблагодарности Богу за мир и все происходящее в нем и с ней.

Грезишь шумом ветра? Что ж, вот твой шанс – звони и, как обещает реклама, через 15—20 дней встанешь на крыло, взмоешь в небеса не хуже пресловутого Дракона. Но Дора знала, что скорее Дракон явится в этот мир за своей жертвой («принцессой» себя назвать не получалось), чем она осмелится на полет. Дора не умела ездить даже на велосипеде и роликах, а после аварии панически боялась скорости. И вообще, странное они время выбрали для обучения. Скоро зима. Кто же захочет мерзнуть ради счастья раствориться в таком же сером, как и весь мир в эту пору года, небе?

Словно в укор за упадническое настроение, солнечный луч больно коснулся глаз. Он каким-то животворящим чудом пробился сквозь мутное стекло автобуса и громадные массы бетона, почему-то считавшиеся человеческим жильем. Хотя однотипные дома к жизни стремительной, словно молодой побег, не имели никакого отношения. Впрочем, как и к человеку с его мечтами, терзаниями и надеждами.

Дора поспешила выйти на ближайшей остановке. Тащить огромный пакет с обновкой было не так радостно, как вчера. Но возможно, перспектива пройти пару остановок и насытить организм кислородом стоила того.

Она запрокинула голову. Последний день осени баловал ее ясным небом. «Удивительно», – подумала Дора. Даже на том клочке небосвода, который ей удалось рассмотреть между крышами домов, она различала несколько оттенков голубого. Цвет был то ярче, то темней – от лилового до стального, и даже причудливое пушистое облачко выплыло, едва не зацепившись за огромную телевизионную антенну.

Дора улыбнулась отважному облачку и собралась было помахать ему рукой, как едва не лишилась равновесия.

– Что стоишь, разинув рот? Это тебе не картинная галерея, людям пройти нельзя, – некий элемент оторвался от текущей массы людей и, больно задев Дору плечом, поспешил воссоединиться с трясинистой гущей спешащей по утренним делам толпы.

«Действительно, – подумала Дора, – нашла, где любоваться небом – посреди улицы, да еще напротив остановки транспорта». Людской поток увлек ее, и она следовала его ритму, не особо заботясь о том, что происходит вокруг. Она снова и снова поднимала глаза в поисках своего облачка. Но оно, видимо, растворилось или примкнуло к более крупным собратьям.

Ее дом встал перед ней нерушимой стеной, и машина Леона у подъезда напомнила ей о вчерашнем разговоре. «Пора заземляться», – подумала Дора. Леон вряд ли оценит ее витание в облаках.

Набрав про запас воздуха и в последний раз взглянув на небо, Дора мужественно переступила порог собственной квартиры.

Леон выглядел вполне миролюбиво.

– Привет, как спалось?

Память Доры еще сохраняла в себе утреннюю свежесть, свет солнца, и цвет неба. Их комнатка показалась ей безумно маленькой, и ей захотелось распахнуть окна, чтобы расширить ее, впустить все то, чем она любовалась еще пару минут назад.

Леон был глух и нем к ее присутствию.

– Я открою окно, ты не против? – спросила она, уже двинувшись к окну.

– А, это ты, – Леон лениво повернул голову в ее сторону и поморщился. – Я в наушниках, не слышал, как ты вошла. Да и голова с утра раскалывается, плохо спал. Диван твой старье, неудобный. Свари кофе, а?

– Хорошо, сейчас. Ты завтракал, приготовить что-нибудь?

– Я же сказал, кофе, – сердито огрызнулся Леон и начал лениво подтягиваться в кресле, не отрывая взгляд от монитора.

«Вот и поговорили», – подумала Дора. Все же это лучше, чем поссориться. Она поставила кофе на плиту и пошла переодеваться. Вернулась как раз вовремя, чтобы остановить побег кофейной гуши. Хотела было разлить напиток по чашкам, но решила добавить Леону корицу, он так больше любит, и для нормализации его высокого давления будет полезно. Только поставила кофейник, как зазвонил телефон.

– У тебя звонит телефон, – сердито прокомментировал Леон.

– Я слышу, потом перезвоню, – отозвалась Дора.

– Так сбрось. Что за жуткая мелодия, почему я должен это терпеть?

Пока Дора тянулась за мобильником, кофе сбежал, и она принялась протирать плиту.

– Не утруждайся, – Леон пришел на кухню и вылил остатки кофе в свою кружку.

– Почему? – Дора замерла с тряпкой в руках, не зная, что ей делать дальше.

– У тебя вечно что-то рассыпается и разливается, я не помню, когда ты варила кофе так, чтобы не залить им полкухни. Может, купить тебе кофейную машину? Но это сложный и дорогой аппарат, им нужно уметь пользоваться, и это плохая идея в твоём случае.

– Я думаю купить себе велосипед, – неожиданно для себя сказала Дора.

– Что? – Леон впервые за утро взглянул на нее. – Ты в своем уме, давно в больницах не отмечалась?

– Зачем ты так? Ладно, ты мне не разрешаешь водить автомобиль, но уж с велосипедом должна я справиться. На нем даже дети катаются.

– Там тоже нужно учиться и быть внимательным. Дети развиваются, растут, взрослеют. А ты нет, ты – статическая величина. Да и когда тебе учиться, тебе сил еле на работу хватает.

У Леона зазвонил мобильник.

– Алло, добрейшее утро, дорогой! – бодро и радостно ответил он. Дора во все глаза смотрела на произошедшую с ним перемену. Леон как-то сразу выпрямился, приосанился. Она и забыла, какая у него красивая улыбка – так давно он не улыбался. От его хмурого и подавленного голоса не осталось и следа. Это был просто звонок товарища по работе. Человека, с которым он был знаком не более полугода. Неужели это она, Дора, вгоняла его в такое невообразимое состояние тоски?

Леон повернулся к ней, и все еще сохраняя в голосе радостные нотки, сказал:

– Дорик, у нас послезавтра небольшой корпоративчик намечается, встреча узким семейным кругом.

– Да, а во сколько встреча? – обрадовалась Дора.

– В 19.00, сразу после работы. Жаль, что у тебя не получится, – небрежно прокомментировал Леон и начал рассматривать свою одежду в шкафу.

– Почему не получится? Если сильно захотеть, можно высоко улететь. Мне давно интересно познакомиться с твоими новыми друзьями.

– Я не думал, что тебе это будет интересно, – нотки радости и энтузиазма заметно уменьшились в его голосе.

– Ну, я не настаиваю, мне не очень хочется отпрашиваться с работы на час раньше. Но ты сказал, что семейным кругом, и я подумала, для тебя важно мое присутствие. Или я что-то не так поняла?

– Я буду рад, если ты пойдешь со мной, – ему удалось вернуть голосу бодрый тон, – просто не сразу сообразил, что это возможно. Мне пора собираться в клуб, потом хотел машину на осмотр загнать, к маме заеду. В общем, отдыхай, не жди меня, буду поздно.

Леон, перемерив несколько вариантов одежды и детально расспросив ее мнение о своем внешнем виде, умчался качать пресс и ремонтировать авто. «Ну, хорошо хоть что-то в его жизни приносит ему счастье», – подумала Дора. Она была рада, когда он бывал довольным и улыбался. Только вот она уже давно не являлась для него источником радости.

Скоро у Леона день рождения. Она вспомнила его счастливые глаза, когда она была единственной, кто вспоминал об этом празднике в их первый год знакомства. Сейчас у него много друзей и знакомых, да и семья наконец-то оценила нерадивого младшего сына. Так что у нее мало шансов его обрадовать, разве что исчезнуть из его жизни. Но на это она вряд ли решится.

А на что она вообще может решиться? Какой смысл в прожитых днях? Чем она их может измерить? Разве что количеством. Вот Леон поехал совершенствоваться и без того атлетически сложенное и крепкое тело в спортзал, и каждую неделю Дора видит результат его стараний. А каков результат ее стараний, ее прожитых дней? Никто не похвалит тебя за количество купленных абонентов и даже часов, проведенных на аэробных дорожках. Нужен результат, видимый и осязаемый.

Не важно, сколько лет ты живешь, сколько раз ты встречала рассвет и провожала закат. Важен результат – была ли ты счастлива, приносила ли ты пользу своим существованием миру или хотя бы себе самой.

Глава 9

Уже неделя, как в городе должна властвовать зима, но снега было не видать. Небольшой мороз по утрам сковывал мелкие лужицы льдом – вот и все признаки надвигающихся холодов и снежных метелей. «Хоть бы быстрее снежок пошел и укрыл все своим сказочно-сверкающим покрывалом», – думала Дора. Не так обидно было бы мерзнуть на остановках в ожидании транспорта и вглядываться в стальное небо в надежде разглядеть за густым туманом блекло-желтый шар солнца.

Странный город, в нем только две поры. С ноября по апрель стоит весь серый, наверное, снег просто тает, запутавшись в толстых слоях смога, окутавшего город. Зато остальные полгода многочисленные скверы таят в своей листве журчащие фонтаны-радуги. Нужно только как-то дожить до этой второй половины года.

Рабочая смена была молниеносной. В ее случае время двигалось быстрее от радостного предвкушения вечеринки. Она так давно не имела повода принарядиться и потанцевать, что была рада представившейся возможности порадовать Леона своим внешним видом.

Локоны были накручены еще с утра и заколоты на макушке, чтобы не распустились раньше времени. Макияж мало подходил для ярко-белого освещения офиса, но все же вызвал ряд комплиментов у сотрудниц, ранее видевших Дору лишь в природных светлых тонах.

Даже Угрюмый Сэр (так они между собой называли начальника) отметил «боевой раскрас» Доры, когда она пришла отпрашиваться на полчаса раньше, чтобы успеть добраться до места встречи веселой компании. В том, что компания будет веселая, она не сомневалась, раз Леон был так ошарашен запланированной встречей.

Оккупировав комнату для совещаний, Дора переоделась в вечернее платье, с удовольствием отметив, что со дня университетского выпускного не поправилась, и оно свободно скользнуло по ее фигуре. Платью было практически десять лет – страшно подумать, но надевала она его всего второй раз в жизни – больше случая не представлялось.

Гранатовое платье упругой тканью облегалo все еще идеальную фигуру, талию подчеркивала вышивка в тон бисером и лентами, изображающая то ли крылатое существо, то ли дивный цветок. В любом случае, распустив праздничные кудри и став на каблуки, Дора наредила губы и осталась очень довольна собой. Настроение у нее было отличное, и это, конечно, способствовало гордо поднятой голове и игривой походке. Удалялась она практически под аплодисменты и искренние пожелания хорошего вечера вперемешку с комплиментами.

Такси медленно пробиралось через город, загруженный транспортом в час пик. Но все же ей удалось приехать вовремя. Леон уже ждал ее у входа и, судя по мрачному и раздраженному виду, готовил речь, обличающую ее опоздание. Речь пришлось оставить при себе, а вот настроение прорвалось наружу в виде резкого замечания.

– Все девушки приехали заранее, чтобы привести себя в порядок. У тебя на это времени не будет.

– Я на работе переоделась, – едва поспевая за ним, оправдывалась Дора.

Сняв белую праздничную дубленку, ровесницу платья, Дора первым делом осмотрела, удалось ли ей сохранить целостность капроновых чулок. Все было в порядке, но все же, довольная своей сообразительностью, вспомнила, что нашла место в миниатюрном клатче и для второй запасной пары.

Леон окинул ее критическим взглядом и воскликнул:

– О Боже! Дора, где ты отрыла это старье?

На них оглянулись. Дора моментально сжалась и тихо спросила:

– Какое?

– Это платье! Ему же сто лет в обед, уже никто такие не носит, и этот бабушкин цвет. Он старит тебя.

Леон раздраженно схватил Дору за руку и поволок в зал, продолжая комментировать ситуацию:

– Уже видели, что ты приехала, придется тебя представить.

Зал имел то ли круглую, то ли овальную форму, возле стен стояли мягкие диваны, обитые темно-красной тканью, имитирующей кожу. Уже звучала ненавязчивая музыка, возле бара расположилась небольшая компания.

Дора обратила внимание на красивую люстру из множества круглых граненых шариков, подвешенных на нитях разной длины. К ней по потолку тянулась драпированная белая ткань. От ультрафиолета она светилась голубым, и по ней скользили разноцветные световые зайчики, преломляясь через грани хрустальной люстры.

«Совсем как небо – внизу мрак и суета, а сверху лучи света и красота». Ее философские размышления прервал рыбок Леона.

– Дорогая, поздоровайся с людьми, – как можно вежливей и добродушней процедил Леон.

Дора, сообразив, что, видимо, «дорогая» (несмотря на оплошность с платьем) – это все же она, улыбнулась. После ярко-белого потолка темнота казалась абсолютной. Прошло несколько мгновений, прежде чем Дора смогла различить людей, и тут же с энтузиазмом принялась подавать им руку и говорить речь о том, как она рада познакомиться с друзьями Леона.

Все прошли за заказанный стол. Выпили за общий успех компании и каждого отдельно взятого сотрудника с его судебным делом. Вскоре большинство разошлись по залу, каждый занятый своими делами. Леон оставался на нее зол. Он принципиально не смотрел в ее сторону и не говорил с ней. Последняя фраза, сказанная лично ей, касалась того, что ее злополучное платье и диван одного цвета, и она удачно замаскировалась, впрочем, как и всегда.

Он был прав. Дора была экспертом по маскировке и слиянию с окружающей средой. Обычно маскировочным выступал серый и черный цвет. Но, даже надев лучшее платье, она тоже попала в точку, слившись с темно-гранатовым диваном в полумраке ниши, видимо предназначенной для поцелуев.

Большинство так же, как и она, пришли в клуб сразу после работы, но явно придавали встрече гораздо меньшее значение, чем Дора. Подобранная по дресс-коду одежда изобиловала белыми воротниками и светлыми тонами, и ее обладатели выгодно смотрелись в неоновых лучах.

– Ой, и Вы здесь. Я думала, только у меня разболелись ноги от новых туфель, – раздался рядом женский голос. И кто-то плюхнулся рядом с ней на диван.

Дора уже полчаса находилась в привычном состоянии медитативного одиночества и вздрогнула от обращенных к ней слов. Общения она явно не жаждала, но нужно было быть вежливой с коллегами мужа, иного он не простил бы. И она с улыбкой кивнула головой в знак приветствия и солидарности с новой знакомой. Ноги действительно противились нахождению в узких модельных туфлях.

– Вы и есть девушка Леона? Он наша звезда, опора и надежда. Он и новенькая Лэй.

– Девушка?! – переспросила удивленная Дора.

– А что, нет? Леон говорил, что вы живете вместе, – таким же удивленным голосом ответила сотрудница компании Леона.

– Ах, Вы про это. Да, мы живем вместе, – сказала Дора и еле слышно добавила, – точнее, в одной квартире.

Они так и не зарегистрировали отношения. Когда их любовь переживала буйное цветение, а Леон не спускал с нее восторженных глаз, он считал, что она заслуживает самого лучшего свадебного платья и бриллианта на Земле, ну или хотя бы наличия таковых вообще.

Но тогда они делили одну кружку кофе на двоих и, странное дело, были абсолютно и непоколебимо счастливы. Так что свадьбу решили отложить до лучших, в финансовом плане, времен. Материальное положение улучшилось, но вместо свадьбы Леон купил себе хорошую машину. Но только сейчас Дора отчетливо поняла, что из недосыгаемой музы и объекта грез она превратилась в рядовую сожительницу.

Ему просто было удобно хранить вещи в ее квартире в центре города. Она не помнила, когда они в последний раз проводили время вместе дома, не говоря уже о совместных развлечениях и выходах в свет. У него появилась масса новых увлечений и занятий. О том, что Леон вообще бывает дома, Дора догадывалась по оставленной в раковине посуде и одежде в стиральной машине. Если же они оставались вместе хотя бы на пару часов, то режим тишины удавалось соблюдать только при совместном просмотре фильма или сильной занятости кого-либо. Иначе начиналась череда мелких стычек, которые, накапливаясь, грозили превратиться в роковую ссору, и чтобы отсрочить неизбежное, Леон и Дора наперегонки старались покинуть поле боя.

– У Вас очень интересная вышивка на платье, жаль, что я пришла сразу после работы и не успела переодеться во что-то столь же красивое и яркое, – собеседница явно была настроена на разговор.

«Ну что ж, – решила Дора, – раз Леон демонстративно ее игнорирует, то это кончится не раньше следующего вечера, когда придет пора интересоваться, в какой химчистке его костюм». Она вдохнула поглубже и, развернувшись к собеседнице лицом, улыбнулась ей, словно лучшей приятельнице.

– Спасибо, я рада, что Вам понравился узор. Я сама его вышила много лет назад. Люблю это платье и специально взяла его с собой на работу, чтобы успеть переодеться.

– Какая Вы сообразительная, нужно и мне в следующий раз так поступить, – это был второй комплимент за последние 5 минут.

Дора уже и не надеялась вызвать у кого-то симпатию на этой вечеринке.

– Меня зовут Дора, – она протянула руку для приветствия, решив еще раз представиться, чтобы узнать имя собеседницы. Та пришла позже, и все собрались возле нее, слушая, когда она говорила с небольшой сцены. Тогда у Доры уже не было интереса к вечеру, и она осталась на своем месте.

– Корри, очень приятно, – ответное рукопожатие было по-деловому быстрым. Все же Дора успела отметить ухоженные руки с модным маникюром. Корри провела рукой по вышивке на платье:

– Это бисер? А эта техника не знаю, как называется – ленты?

– Да, Вы правы, это узелковая французская техника, – Дора с гордостью посмотрела на платье, сшитое специально для нее и расшитое ею в те времена, когда она была полна надежд и уверенности в своем счастье и будущем.

– Здесь много кропотливой работы. Леон не говорил, что у вас образование в сфере текстильной промышленности. Я думала, Вы просто диспетчер.

– Так и есть, я работаю консультантом в колл-центре, и у меня нет специального образования в сфере пошива одежды. Но это не важно, не обязательно иметь диплом для того, чтобы делать то, что любишь, и в то же время диплом не даст гарантию работы по интересной специальности. У меня два выстраданных диплома о высшем образовании. Но ни один мне еще не пригодился.

– Вы что, серьезно?! – удивление Корри помешало ей спокойно глотнуть отпитое из бокала спиртное, и она закашляла.

– Да, а что Вас так удивляет? – Дора открыла маленькую бутылку с водой и, налив в стакан, протянула Корри. – В наше время путь к мечте может быть настолько долгим, что это счастье – не заблудиться и дойти к изначально намеченной цели.

– Невероятно! А в какой сфере у вас образование?

Дора засмеялась от столь бурной реакции, предвкушая дальнейшее удивление от ответа.
– Мы с Леоном учились вместе, только он на три курса младше.

– Вы дипломированный юрист, но работаете телефонисткой, пока Ваш более юный партнер делает блестящую карьеру, – Корри поморщилась, произнося данное ею название работе Доры.

– Нет, – терпеливо ответила Дора, – это Леон юрист, я человек с дипломом юриста. Я училась на последнем курсе, и когда мы познакомились, я сразу поняла, что у него талант. То, что мне давалось путем зубрежки и бессонных ночей, у него было искрой Божьей, он все схватывал налету. Даже имея начальное представление о правовой базе, он интуитивно ориентировался в любом вопросе, как рыба в воде. И я поняла, что никогда не стану хорошим юристом, а быть плохим я не хотела. Мои конспекты и знания ему, конечно, пригодились, но он настоящий самородок. Он никогда не отклонялся от поставленной цели и того, кем хочет быть и что он хочет иметь в своей жизни.

Дора взглянула в сторону Леона. Он кружился в танце с красивой стройной брюнеткой.

– Это Лей – наша новенькая, тоже очень талантливая и не отклоняющаяся от цели юристка. Едва получила диплом, но уже мнит себя великим специалистом только потому, что ей именитые родители кодекс вместо сказок читали перед сном, – ехидно заметила Корри. – И что Вы делали потом?

– Сдала на отлично экзамены, подарила маме свой красный диплом и нашла, как мне на тот момент казалось, высокооплачиваемую работу, где бы я могла практиковаться в английском, и при этом посменный график давал бы мне возможность учиться дальше. Проработав год и подсобрав денег, я поступила на другое отделение и через три года имела на руках еще один замечательный диплом престижного вуза, дающий мне право именоваться специалистом в области психологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.